

УДК 34
DOI 10.36511/2078-5356-2020-2-154-159

Магнатов Юрий Сергеевич
Yuriy S. Magnutov

председатель
Борский городской суд Нижегородской области (606440, Нижегородская область, Бор, ул. Профсоюзная, 3)

chairman
Borsky city court of the Nizhny Novgorod region (3 Profsoyuznaya st., Bor, Nizhny Novgorod region, Russian Federation, 606440)

E-mail: magnutov_u_s@mail.ru

Экстремистское сообщество как форма групповой экстремистской деятельности: вопросы теории и практики

Extremist community as a form of group extremist activity: issues of theory and practice

В статье затронута как доктринальная, так и юридико-техническая проблема в определении признаков экстремистского сообщества как формы групповой экстремистской деятельности. Проведен анализ уголовного законодательства, научных подходов, а также интерпретационных актов Верховного Суда РФ, позволивший соотнести признаки организованной группы, преступного и экстремистского сообществ. Исследование показало, что в рамках экстремистского сообщества, с учетом законодательных формулировок и рекомендаций высшей судебной инстанции, наблюдается смешение признаков организованной группы и преступного сообщества. В целях снятия выявленной внутриотраслевой коллизии на основе полученных результатов предложены изменения в статью 282¹ УК РФ, дающие легитимное основание для признания экстремистского сообщества разновидностью сообщества преступного.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистское сообщество, преступное сообщество, организованная группа, противодействие, уголовная политика.

The article touches upon both the doctrinal and the legal and technical problems in determining the signs of the extremist community as a form of group extremist activity. The analysis of scientific approaches, as well as interpretative acts of the Supreme Court of the Russian Federation, which allowed to correlate the features of an organized group, a criminal and extremist community. The study showed that within the extremist community, taking into account the legislative wording and recommendations of the highest judicial authority, there is a mixture of signs of an organized group and a criminal community. In order to remove the identified intra-industry conflict, on the basis of the results obtained, changes to art. 282¹ of the Criminal code, which provide a legitimate basis for recognizing an extremist community as a kind of criminal community.

Keywords: extremism, extremist community, criminal community, organized group, opposition, criminal policy.

Взяв для исследования заявленную тему, нельзя не подчеркнуть ее как теоретическую, так и практическую актуальность и значимость. В первую очередь обусловлено это тем, что примененный законодателем юридико-технический прием, использованный при формулировании рассматриваемой формы совместно-криминальной деятельности в рамках статьи 282¹ УК РФ, поставил вопрос о том, к какой же фор-

ме соучастия относится «экстремистское сообщество». Данная проблема активно обсуждается как на научной площадке, так и среди представителей правоприменительных органов [1, с. 143—145; 2, с. 49—53; 3, с. 66—68; 4, с. 145—153]. Встречаются даже наиболее радикальные решения отмеченной проблемы путем признания экстремистского сообщества самостоятельной формой соучастия [5, с. 216—

© Магнатов Ю.С., 2020

218]. Обусловлено это тем, что в его характеристике сразу же включены признаки нескольких форм соучастия, закрепленных в статье 35 УК РФ. В этой связи наблюдается искажение института соучастия, влекущее проблемы в решении задач, стоящих перед уголовным законодательством [6, с. 42—52].

Полагаем, что ответ на поставленный вопрос может быть получен в результате рассмотрения всех имеющихся на данный момент законодательных, интерпретационных и доктринальных подходов.

Методологически верным начать рассмотрение отмеченного направления целесообразно с краткой характеристики эволюционирования противодействия организованным формам криминальной деятельности, в том числе и экстремистского толка.

Учитывая, что современный уголовно-правовой кодифицированный нормативный акт разрабатывался уже более двадцати пяти лет назад, при этом в его основу была положена новая концептуальная модель, частичной модернизации был подвергнут и институт соучастия в преступлении путем включения в Уголовный кодекс РФ новой его формы — «преступное сообщество» (преступная организация). Однако дальнейшее развитие уголовной политики в области противодействия организованным формам криминальной деятельности породило реализацию и принципиально новых юридико-технических приемов. В частности, это может быть представлено поступательным включением в рассматриваемый юридический акт уголовно-правовых запретов, устанавливающих ответственность за совершение общественно опасных деяний в соучастии особого рода. Одним из первых примеров как раз таки и стало дополнение уголовного закона статьей 282¹ УК РФ. Главной причиной такой формы криминализации, конечно же, стал существенный рост деяний, содержащих в себе признаки экстремизма, а также активное распространение экстремистской идеологии и экстремистских организаций на территории России. Юридическая система Российской Федерации на тот момент не была готова к принятию незамедлительных симметричных мер борьбы с этим новым криминальным феноменом. Учитывая вышеизложенное, а также взятые международные обязательства в области противодействия экстремизму, в 2002 году был принят Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», создавший необ-

ходимые правовые условия для формирования более четкой системы мер, позволяющей бороться с экстремистскими проявлениями и порождающими их причинами. В нем также фактически были заложены основы установления уголовной ответственности за создание экстремистского сообщества. Именно с этого момента и ведется дискуссия о целесообразности самостоятельной криминализации деяний, предполагающих уголовно-правовые репрессии за самостоятельно установленную в Особенной части УК РФ совместно-преступную деятельность, вступающих во внутриотраслевую коллизию с положениями Общей части уголовного закона.

О несовершенстве юридико-технического конструирования статьи 282¹ УК РФ говорили еще на стадии обсуждения закона [7]. В заключении на законопроект, предлагающий вышеотмеченную форму реагирования на экстремистские угрозы, были отмечены существенные его недочеты, ставящие под сомнение возможность реализации ряда включенных в него законодательных инициатив, в том числе и содержание диспозиции предлагаемой уголовно-правовой нормы. Предложенная интерпретация признаков экстремистского сообщества поставила главную проблему об их соотношении с уже существующими формами соучастия, закрепленными в статье 35 УК РФ. По данному направлению отсутствует однообразный подход как среди ученых, так и практиков. Представители первого небезосновательно доказывают, что экстремистское сообщество является частной разновидностью преступного сообщества, главным отличительным признаком которых выступает лишь цель криминальной деятельности [8, с. 64]. Далее, аргументируя эту позицию, акцентируется внимание на необходимости однообразного применения терминологического инструментария, используемого в Общей и Особенной частях Уголовного кодекса РФ при создании новых уголовно-правовых запретов [9, с. 242]. Что показательно, еще в 2010 году, то есть ровно за год до выхода постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», интересной и логичной виделась позиция Верховного Суда РФ, нашедшая свое отражение в одном из определений, в рамках которого были продемонстрированы отличительные признаки экстремистского сообщества. В частности, к конструктивному была отнесена особая форма организованности, о которой свидетельствуют

наличие лидера, определенной структуры, дисциплины, символики и устава [10]¹, чего нет в организованной группе. Эти характеристики фактически сняли дискуссию о форме соучастия, к которой должно быть отнесено экстремистское сообщество, так как схожие с ними нашли свое отражение в пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 года № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», в частности, более сложная внутренняя структура и наличие специальной цели совместно-криминальной деятельности [11]. Однако представленная позиция высшего судебного звена не нашла своего закрепления в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, ставшего результатом обобщения практики рассмотрения уголовных дел по преступлениям экстремистской направленности [12]. Хотя, по мнению представителей судебной системы, «при рассмотрении таких признаков, как «организованная группа», «структурное подразделение», «объединение организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений», «создание сообщества», «руководство сообществом», «участие в сообществе», учтены разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)»» [13].

Вместе с тем, буквально толкуя положения пункта 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», приходим к выводу о том, что экстремистское сообщество — это разновидность организованной группы².

Эта позиция была активно поддержана значительным количеством ученых, так как она в том числе вытекает и из фактической законодательной формулировки рассматриваемой уголовно-правовой нормы [14, с. 21—25; 15, с. 195; 16, с. 12—15].

Однако нельзя не согласиться с мнением П.С. Яни в том, что предложенная в статье 282¹

УК РФ позиция указывает лишь структурированность такого сообщества [17, с. 11—16], что также является неотъемлемой частью сообщества преступного. Полагаем, что мнение ученого прямо вытекает из положения анализируемого постановления Пленума, предполагающего наличие структурных подразделений в экстремистском сообществе (абзацы 3, 4 п. 12). Вместе с тем, представленный подход не соответствует содержанию части 3 статьи 35 УК РФ. Учитывая, что главным видом толкования является буквальное восприятие текста, с учетом правил синтаксиса и лексики такая формулировка, как «совершенно устойчивой группой лиц» исключает их множественное наличие в рассматриваемой форме соучастия. Такая позиция дублируется содержанием диспозиции статьи 282¹ УК РФ, где, также определяя концептуальные признаки экстремистского сообщества, термин организованная группа используется в единственном числе. Таким образом, мы констатируем наличие юридико-технической коллизии в части толкования допустимости или недопустимости структурирования экстремистского сообщества путем включения в его состав нескольких организованных групп.

В этой связи для представления унифицированной позиции в рассматриваемом вопросе необходимо соотнести законодательные и интерпретационные признаки организованной группы, преступного и экстремистского сообществ. Представим их в виде таблицы.

Соотнося выделенные признаки, особо хотелось бы остановиться на соотношении ряда из них.

В первую очередь на структурированной организованной группе как одной из характеристик преступного сообщества и возможности наличия в экстремистском сообществе структурных подразделений или частей. Не являются ли эти позиции тождественными (синонимичными), требующими единообразного толкования? Ответить на данный вопрос невозможно без соотношения позиций, нашедших свое закрепление в двух уже вышеуказанных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Для более полного восприятия такого соотношения представим это в виде еще одной таблицы.

¹ Приговор по делу изменен: в части осуждения виновных по ч. 1 ст. 282¹, ч. 2 ст. 214 УК РФ отменен, производство по делу в данной части прекращено в связи с отсутствием в их действиях составов этих преступлений; действия двоих виновных по фактам покушения на умышленное уничтожение имущества квалифицированы по ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 167 УК РФ, так как осужденные, совершая поджоги, преследовали единую цель — уничтожение имущества потерпевших, в связи с чем имело место продолжаемое преступление.

² Выдержка из абзаца 2 п. 12 постановления: «Для признания организованной группы экстремистским сообществом...».

Таблица 1

Криминообразующие признаки организованной группы, преступного и экстремистского сообществ

Форма криминальной деятельности	Криминообразующие признаки		
	законодательные	обще-интерпретационные	цель
Организованная группа	— устойчивая группа лиц; — заранее объединившаяся	— тщательное планирование преступления; — распределение ролей между участниками группы [18]	совершение одного или нескольких преступлений
Преступное сообщество	— структурированная организованная группа; — объединение организованных групп; — единое руководство	— более сложная внутренняя структура; — наличие совместных целей [11]	— совершение тяжких и особо тяжких преступлений; — получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды
Экстремистское сообщество	организованная группа	— наличие организатора (руководителя); — стабильность состава; — согласованность действий ее участников; — может состоять из структурных подразделений (частей) [12]	Подготовка или совершение преступлений экстремистской направленности

Таблица 2

Признаки структурированной ОГ в рамках преступного сообщества и структурных подразделений или частей в экстремистском сообществе

Признаки структурированной организованной группы в рамках преступного сообщества [11]	Признаки структурных подразделений или частей в экстремистском сообществе [12]
Представляет собой подразделение (подгруппу, звено и т. п.)	функционально и (или) территориально обособленная группа
стабильность состава	стабильность состава
согласованность действий	согласованность действий
единое руководство	наличие организатора (руководителя)
взаимодействие между подразделениями	осуществляет преступную деятельность в рамках и в соответствии с целями экстремистского сообщества
распределение функций	
возможная специализация	
другие формы обеспечения деятельности преступного сообщества	выполняет иные задачи по обеспечению функционирования экстремистского сообщества

Сложно не согласиться, что признаки структурированной организованной группы в рамках преступного сообщества и структурных подразделений или частей в экстремистском сообществе фактически идентичны. Однако нужно не забывать о том, что организованная группа, с учетом положений общей части Уголовного кодекса РФ, а также комплекса официальных актов толкования дают основание утверждать, что такая форма соучастия исключает в качестве обязательного условия структурированность, то есть включение каких-либо подразделений в ее состав.

Еще раз подчеркнем, хотя законодатель в статье 282¹ УК РФ соотносит экстремистское сообщество только с установлением признаков одной организованной группы, вместе с тем Верховный Суд РФ, выделяя и характеризуя его, указывает на возможное наличие не просто структурных подразделений, а и объединение организаторов, руководителей или иных представителей, что

Магнутов Ю. С. Экстремистское сообщество как форма групповой экстремистской деятельности: вопросы теории и практики

может указывать и на наличие в ней нескольких организованных групп.

Ненужно забывать и о том, что преступное сообщество может состоять и из одной организованной группы, но при этом обладающей рядом особых отличительных черт. Иными словами, фактически все взятые для анализа формы криминальных сообществ — это разновидности организованных групп, имеющие в своей характеристике дополнительные признаки, придающие им статус самостоятельной формы соучастия. Однако базовые их характеристики вытекают из частей 3 и 4 статьи 35 УК РФ, а специальные отражены в статьях 210 и 282¹ УК РФ. Их системная и методологическая схожесть дает основание выступить с научной гипотезой о том, что экстремистское сообщество является разновидностью сообщества преступного. Для укоренения данной позиции, конечно же, необходимо внесение следующих изменений в диспозицию статьи 282¹ УК РФ. Так, после слов «организованной группы лиц» дополнить «или объединением организованных групп».

Подводя итог проведенному исследованию подчеркнем, что дискуссии в определении признаков экстремистского сообщества не угасают по ряду значимых причин, и это не только рост экстремистских настроений, но и неопределенность в законотворческой, правоприменительной и интерпретационной деятельности, закладывающих вектор уголовно-правового противодействия групповой экстремистской деятельности. Решение выявленных проблем лежит в плоскости унификации всей юридической техники, к чему имеются объективные предпосылки, продемонстрированные в статье, путем признания экстремистского сообщества разновидностью преступного и внесением соответствующих изменений в Уголовный кодекс РФ и постановление Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющего предлагаемую позицию.

Примечания

1. Поличной Р.В. Соотношение террористической организации, террористического сообщества, экстремистской организации и экстремистского сообщества // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 2.

2. Мондохано А.Н. Экстремистское сообщество — организованная группа или преступное сообщество? // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. № 1 (15).

3. Борисов С.В. Соотношение уголовно-правовых понятий «организованная группа», «преступное сообщество (преступная организация) и «экстремист-

ское сообщество» // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2010. № 2 (17).

4. Петрянин А.В. Экстремистское сообщество и экстремистская организация: технико-юридический анализ признаков // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: сборник научных трудов / под ред. М.П. Полякова и К.М. Маштакова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. Вып. 19.

5. Зубалова О.А. Экстремистское сообщество как форма соучастия // Бизнес в законе. 2008. № 4.

6. Иванов Н.Г. Нюансы уголовно-правового регулирования экстремистской деятельности как разновидности группового совершения преступлений // Государство и право. 2003. № 5.

7. Заключение Комитета Государственной Думы по законодательству на проекты федеральных законов № 203307-3 «О противодействии экстремистской деятельности» и № 203317-3 «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»» (внесены Президентом РФ). URL: http://asozd2.duma.gov.ru/arhiv/a_dz_3.nsf/ByID/3CEB65A1350281E543256EF30043505F?OpenDocument (дата обращения: 25.02.2020).

8. Ростокинский А.В. К вопросу об ужесточении уголовной ответственности за участие в преступном сообществе // Журнал российского права. 2007. № 7.

9. Петрянин А.В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2015.

10. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26 августа 2010 г. № 9-О10-40. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.02.2020).

11. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

12. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

13. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам / Н.И. Бирюков, О.Н. Ведерникова, С.А. Ворожцов и др.; под общ. ред. В.М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, 2014.

14. Хлебушкин А.Г. Квалификация нападения, совершаемых членами организованных групп по экстремистским мотивам // Законность. 2013. № 5.

15. Борисов С.В., Жеребченко А.В. Квалификация преступлений экстремистской направленности: учебное пособие. М., 2010.

16. Хлебушкин А.Г. Квалификация деятельности экстремистской организации // Законность. 2012. № 3.

17. Яни П.С. Квалификация преступлений экстремистской направленности // Российская юстиция. 2011. № 10.

18. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

References

1. Polichnoy R.V. Correlation of a terrorist organization, a terrorist community, an extremist organization and an extremist community. *Gaps in Russian law*, 2017, no. 2. (In Russ.)

2. Mondokhono A.N. Extremist community — organized group or criminal community? *Bulletin of the Academy of the General Prosecutor of the Russian Federation*, 2010, no. 1 (15). (In Russ.)

3. Borisov S.V. Correlation of criminal legal concepts “organized group”, “criminal community (criminal organization) and “extremist community”. *Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries*, 2010, no. 2 (17). (In Russ.)

4. Petryanin A.V. Extremist community and extremist organization: technical and legal analysis of signs. *Problems of legal science in studies of doctoral students, adjuncts and applicants: a collection of scientific papers / ed. M.P. Polyakov and K.M. Mashtakov*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. Issue 19. (In Russ.)

5. Zubalova O.A. Extremist community as a form of complicity. *Business in law*, 2008, no. 4. (In Russ.)

6. Ivanov N.G. The nuances of the criminal law regulation of extremist activity as a form of group commission of crimes. *State and Law*, 2003, no. 5. (In Russ.)

7. Conclusion of the State Duma Committee on Legislation on draft federal laws no. 203307-3 “On Countering Extremist Activities” and no. 203317-3 “On Amending and Adding to Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law «On Countering Extremist Activities»” (contributed by the President of the Russian Federation). URL: http://asozd2.duma.gov.ru/arhiv/a_dz_3.nsf/ByID/3CEB65A

1350281E543256EF30043505F?OpenDocument (accessed 25.02.2020). (In Russ.)

8. Rostokinsky A.V. On the issue of toughening criminal liability for participation in the criminal community. *Journal of Russian Law*, 2007, no. 7. (In Russ.)

9. Petryanin A.V. Conceptual foundations of countering extremist crimes: theoretical and applied research. Dissertation... doctor of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2015. (In Russ.)

10. The appeal decision of the Supreme Court of the Russian Federation of August 26, 2010 no. 9-O10-40. Access from the reference legal system “Consultant Plus” (accessed 27.02.2020). (In Russ.)

11. On judicial practice in criminal cases on the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it (her): resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 10, 2010 no. 12. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2010, no. 8. (In Russ.)

12. On judicial practice in criminal cases of extremist crimes: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 no. 11. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2011, no. 8. (In Russ.)

13. Biryukov N.I., Vedernikova O.N., Vorozhtsov S.A. et al. Commentary on the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases / under the general. ed. V.M. Lebedev. 3rd ed., revised. and add. Moscow: NORMA Publ., 2014. (In Russ.)

14. Khlebushkin A.G. Qualification of attacks by members of organized groups on extremist motives. *Legality*, 2013, no. 5. (In Russ.)

15. Borisov S.V., Zherebchenko A.V. Qualification of extremist crimes: a training manual. Moscow, 2010. (In Russ.)

16. Khlebushkin A.G. Qualification of the activities of an extremist organization. *Legality*, 2012, no. 3. (In Russ.)

17. Yani P.S. Qualification of extremist crimes. *Russian Justice*, 2011, no. 10. (In Russ.)

18. On judicial practice in cases of murder (article 105 of the Criminal code of the Russian Federation): resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 27, 1999 no. 1. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 1999, no. 3. (In Russ.)